

ЧЕРЕПА С ТРЕПАНАЦИЯМИ ИЗ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ¹

N.G. Bryukhova

Perm Scientific Center UB RAS,
Perm, Russia

SKULLS WITH TREPANATION OF THE BURIAL MOUNDS OF THE PERM CIS-URAL REGION

ABSTRACT: The article deals with the cases of damage of the calvaria, that were fixed on a material from burials barrows of the Peoples' Great Migration period from the Perm Urals. Burial mounds appeared on the Upper Kama in the IVth century AD and they existed until VIIth century AD. Anthropological material, which was obtained from the burials of three burial mounds such as Kalashnikov V-VI centuries AD, Chazevsky I end of the VI-VII centuries AD and Mitinsky end of the IV-VI centuries AD. Out of fifteen examined skulls, nine of them had traces of repeated interventions in the bone structure of the cranial vault. All damages have signs of the healing, except in the one case. Slice of an unhealed intervention in the skull bone has been studied with a microscope. All these bone defects have similar morphology and localization. Based on the observations, the damage is interpreted as signs of the lifetime trepanation prevalence in cases of the symbolic trepanations. On the skulls from the later burial grounds from the Perm region, there are evidences of tampering in the integrity of the cranial vault bones weren't found. Thus, the tradition of trepanations disappeared after the burial mounds ceased to exist.

С эпохой Великого переселения народов связано появление на территории Пермского Предуралья нового для этой зоны обряда захоронения под курганными насыпями. Первые курганные могильники появляются на Верхней Каме в IV веке н.э. Еще в начале XX в. А.В. Шмидт выделил эти памятники в особую группу — «харинский тип», по названию села в Коми-Пермяцком округе, где были обнаружены первые курганы. С этих пор вопрос об их этнокультурной интерпретации становится одним из актуальнейших для прикамской археологии. В разные годы ученые связывали «харинцев» с тюрками, сарматами, сармато-аланами, уграми, палеосибирцами и т.д. [Шмуратко, 2010, с. 100]. Современный исследователь данной темы Д.В. Шмуратко в основе механизма возникновения харинских курганов видит позднесарматскую культурную традицию [Шмуратко, 2012, с. 29].

На данный момент антропологический материал получен из погребений трех курганных могильников: Калашниковский (раскопки М.Л. Перескокова в 2012 г.), Чазевский I (раскопки В.В. Мингалева в 2007 г.) и Митинский (раскопки В.Ф. Генинга в 1956 г. и Д.В. Шмуратко в 2014-2015 гг.). На некоторых черепах были обнаружены дефекты, интерпретированные нами, как следы трепанаций.

Калашниковский могильник V-VI вв. н.э. расположен в Кунгурском районе Пермского Края. Во время раскопок М.Л. Перескокова в 2012 г. были найдены останки двух индивидов из разграбленных погребений. Сохранность костей плохая, черепа фрагментированы, часть фрагментов отсутствует. Однако, на сохранившихся фрагментах черепов зафиксированы костные дефекты со следами заживления.

Курган 15а погребение № 1. Костные останки принадлежат женщине, умершей в возрасте 25-35 лет. На своде черепа обнаружены следы нескольких заживших повреждений (Рис. 1а). На лобной кости в районе левого лобного бугра имеется дефект круглой формы с диаметром

---

¹ Работа выполнена по гранту РФФИ 14-06-96002 p_урал_a

≈ 25 мм. Дефект представляет собой углубление с небольшим валиком по краям и тонкой костной пластинкой в середине. Наблюдается реакция заживления, следов воспалительного процесса не обнаружено. Так же на своде черепа зафиксирован обширный дефект, захватывающий обе теменные кости и часть лобной кости в районе венечного шва. Общая форма дефекта овальная. Внешний край образует костный валик, плавно спускающийся внутрь, частично переходящий в тонкую костную пластинку. Внутри дефекта имеются следы костного перестроения — реакция заживления. С эндокранной стороны заметны следы воспалительного процесса в виде небольшой порозности. Вероятно, в данном случае дефект представляет собой следы, как минимум двух вмешательств в костную целостность черепа. На правой теменной кости вал чуть более выражен и рельефен. Возможно, здесь операция проводилась позже, когда толщина черепа была больше.

Курган 13 погребение № 1. Костные останки принадлежат мужчине, умершему в возрасте 18-25 лет. На своде черепа обнаружены следы двух заживших повреждений кости (Рис. 1б). На фрагменте левой теменной кости, возле центральной части стреловидного шва имеется полукруглый дефект с краями, плавно спускающимися внутрь. Видна реакция заживления, диплоэ не прослеживается. Следы воспалительного процесса не наблюдаются.

На фрагментах правой теменной кости, ближе к стреловидному шву, наблюдаются части краев, вероятно когда-то овального, повреждения. Края плавно спускаются внутрь дефекта. Видна выраженная реакция заживления.

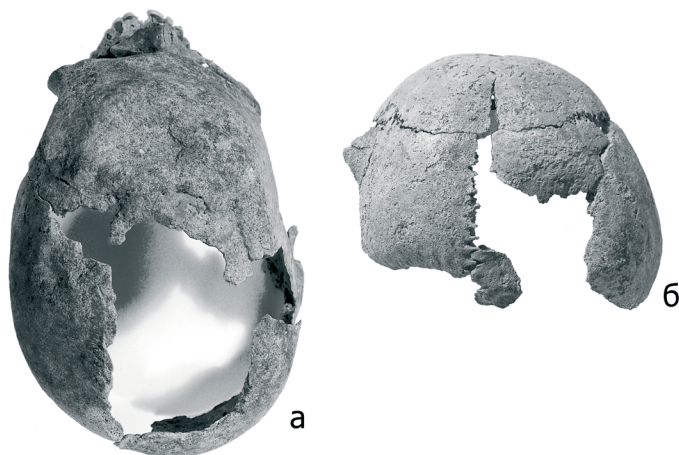

Рис. 1. Следы трепанаций на черепах из Калашниковского могильника:
а) череп из кургана 15а погребение № 1, б) череп из кургана 13 погребение № 1

Чазевский I могильник (Шойна-ыб) конец VI–VII вв. н.э. находится в Косинском районе Пермского края [Мингалева, 2011, с. 56]. Во время раскопок в 2007 г. под руководством В.В. Мингалева были собраны останки 8 индивидов, происходящих из 7 погребений, обнаруженных в 4 курганах. Остатки черепов различной сохранности обнаружены у 4 индивидов. Наиболее полно удалось собрать две черепные коробки. Оба черепа принадлежат женщинам, умершим в зрелом возрасте. На обоих черепах обнаружены сквозные дефекты, схожие по морфологии и локализации [Брюхова, 2010, с. 242-243].

Курган 25, погребение № 1. Останки принадлежат женщине, умершей в возрасте 35-50 лет. Сквозной дефект расположен на теменных костях черепа (Рис. 2б). Дефект имеет 8-образную форму — это два смежных отверстия, каждое из которых имеет одинаковую овальную форму и размеры (40 × 50 мм). Внешний край образует «вал», плавно спускающийся внутрь и переходящий в тонкую костную пластинку. Внутренний край — это границы отверстия, они тонкие неровные, имеется выраженная реакция заживления, диплоэ не прослеживается. С внутренней стороны черепа не наблюдается никаких костных перестроений.

Курган 26, погребение № 1. Скелет принадлежит женщине, умершей в возрасте 30-45 лет. На своде черепа обнаружены сквозные разрушения, схожие с описанными у индивида из кургана 25, погребение № 1 (Рис. 2а). Дефекты локализованы на правой теменной кости, представляют со-

бой два сквозных отверстия. Отверстие (1) располагается по касательной к стреловидному шву (его центральной части). Дефект имеет правильную овальную форму (30 × 60 мм). Внешний край образует «вал», плавно спускающийся внутрь и переходящий в тонкую костную пластинку. Внутренний край — это границы отверстия (15 × 40 мм), они тонкие неровные, имеется выраженная реакция заживления, диплоэ не прослеживается. Отверстие (2) граничит внешним краем с отверстием (1), располагается в районе теменного бугра. Дефект имеет более обширные размеры, чем отверстие (1). Внешняя граница имеет округлую форму (70 × 75 мм), внутренний край подтреугольной формы (50 × 50 мм). В остальном, морфологические характеристики дефекта совпадают с отверстием (1). С внутренней стороны черепа не наблюдается никаких костных перестроений.

Рис. 2. Следы трепанаций на черепах из Чазевского I могильника:
а) череп из кургана 26 погребение № 1, б) череп из кургана 25 погребение № 1

Митинский могильник конец IV–VI вв. н.э. расположен в Кочевском районе Пермского края [Шмуратко, Брюхова, 2012, с. 29]. За два года раскопок 2014–2015 гг. под руководством Д.В. Шмуратко из 12 погребений были получены кости 13 индивидов. Из них четверо детей до 14 лет, подросток 15–18 лет, 5 мужчин и 3 женщины. У пяти человек, включая подростка, обнаружены следы повреждения костей на своде черепа.

Погребение № 43. Скелет в погребении принадлежит мужчине, умершему в возрасте 20–25 лет. Повреждения на своде черепа представляют собой два смежных сквозных дефекта (Рис. 3). Дефект (1) имеет овальную форму (60 × 45 мм), расположен на обеих теменных костях в районе центральной части сагиттального шва. Шов делит овал повреждения практически пополам. Край отверстия, расположенный на левой теменной кости, не замкнут и открыт в смежный дефект. Остальные края отверстия сглажены, ограничены костным валиком, переходящим внутри в тонкую пластинку со следами костного перестроения. Диплоэ не прослеживается, следов воспаления нет.

Сквозной дефект (2) полуовальной формы (70 × 40 мм) с четкими краями расположен на левой теменной кости, открыт в сторону смежного с ним дефекта (1). Края отверстия ровные, диплоэ открыто, нижний компактный слой выступает перед краем на 5–15 мм. Площадка среза в части, располагающейся ближе к затылочной кости, направлена к нижней компакте под углом ≈ 105°. Чуть больше угол ≈ 110° в части, которая ближе к лобной кости. Следов заживления и воспаления нет. При наблюдении в микроскоп с 20- и 40-кратным увеличением на срезе верхней компакты видны параллельные горизонтальные линии, а также в нескольких местах небольшие вертикальные риски. На поверхности нижнего компактного слоя наблюдаются параллельные горизонтальные линии, расположенные довольно плотно¹. Также за пределами отверстия, на расстоянии ≈ 7 мм от среза, видна неглубокая линия разреза, задевающая только внешний слой кости. Линия идет параллельно краю среза, длина ее составляет ≈ 20 мм.

¹ Автор благодарит С.Н. Скочину ИПОС СО РАН за помощь в исследовании.

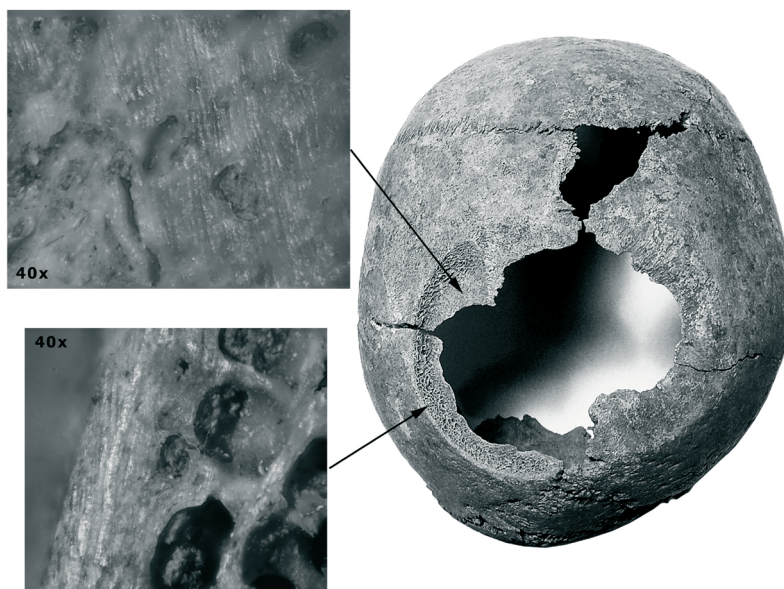

Рис. 3. Следы трепанаций на черепе из погребения № 43 Митинского могильника и микрофотографии трепанационного среза

Погребение № 49а. Кости в погребении принадлежат юному индивиду, умершему в возрасте 15-18 лет. На правой теменной кости и частично на правой стороне лобной кости имеется овальный дефект (100 × 40 мм). Дефект вытянут вдоль стреловидного шва, по касательной к нему. Повреждение представляет собой слабовыраженное углубление в кости, заметное при определенном освещении. Наблюдается слабая реакция заживления (Рис. 4а).

Рис. 4. Следы трепанаций на черепах из Митинского могильника: а) череп из погребения № 49а, б) череп из погребения № 50а

Погребение № 49б. Костные останки принадлежат мужчине, умершему в возрасте 35-50 лет. На правой теменной кости в 10 мм от стреловидного шва, немного захватывая венечный шов, имеется овальный дефект (50 × 30 мм), вытянутый в передне-заднем направлении. Дефект пред-

ставляет собой незначительное углубление с нечеткими краями. Во внутренних границах углубления имеются следы костных перестроений, следов воспаления нет. Со стороны эндокрана видны слабые пальцевидные вдавления.

Погребение № 49в. Кости в погребении принадлежат мужчине, умершему в возрасте 25-35 лет. На своде черепа имеется дефект овальной формы (80 × 60 мм). Основная часть повреждения расположена на правой теменной кости, по касательной к стреловидному шву, и частично захватывает правую сторону лобной кости. Дефект представляет собой участок истонченной кости с открытым диплоэ. С правой и задней (ближе к затылку) сторон читаются небольшие костные валики. Со стороны эндокрана костных перестроений нет.

Погребение № 50а. Скелет в погребении принадлежит женщине, умершей в зрелом возрасте. На правой теменной кости имеется костный дефект неправильной формы (100 × 50 мм), вытянутый в передне-заднем направлении (Рис. 4б). Внешние края дефекта сглажены, ограничены костным валиком, переходящим внутри в тонкую пластинку со следами костного перестроения. В задней части дефекта валик разделяет повреждение на две части. Вероятно, здесь мы имеем дело с двумя случаями вмешательства в целостность свода черепа. Одно из повреждений более узкой формы, располагается вдоль стреловидного шва и имеет менее выраженный валик. Второй эпизод граничит с первым, но по форме он более широкий и имеет более выраженный валик. С внутренней стороны черепа следов костных перестроений нет.

Таким образом, из 15 черепов различной сохранности, обнаруженных в погребениях курганных могильников с территории Пермского Края, на 9 наблюдаются следы вмешательства в костную структуру свода черепа. Количественное соотношение говорит о распространенности таких операций у населения, оставившего данные могильники. Из-за фрагментарности черепов не во всех случаях можно достоверно определить, была ли операция сквозной. Однако в большинстве случаев мы, вероятно, имеем дело с несквозной или символической операцией. Практически все дефекты располагаются на теменных костях, иногда с захватом лобной кости, в одном случае дефект расположен в районе левого лобного бугра.

Одной из особенностей проведенных операций можно считать неоднократность проделанных манипуляций на большинстве черепов. Операции практически не сопровождаются воспалительным процессом, за исключением одного черепа, где с внутренней стороны замечена порозность. Из всего количества рассмотренных повреждений только одна трепанация не имеет следов заживления и, возможно, послужила причиной смерти. Судя по следам на поверхности среза, операция проводилась путем вырезания контура и последующим выскабливанием до нижнего компактного слоя.

При оценке древних хирургических технологий, новосибирские ученые опытным путем установили, что инструментом при проведении трепанаций могли служить ножи [Чикишева и др., 2014, с. 135]. Возможно, ножи использовались и при проведении операций на исследуемых черепах.

По поводу распространения обряда символических трепанаций М.Б. Медникова пишет: «В эпоху Великого переселения народов поверхностное трепанирование становится «международным», надэтническим феноменом и затрагивает различные по происхождению группы населения» [Медникова, 2004, с. 137]. Также автор указывает на недооцененность «феномена символического трепанирования» [Медникова, 2004, с. 134]. Ближайший случай трепанации в данную эпоху упоминается М.С. Акимовой при анализе черепов Бирского могильника III-VII вв. н.э. с территории современной Башкирии: «На женском черепе на лобной кости имеется отверстие округлой формы. Вокруг него поверхность несколько углублена, как это бывает после лечебной трепанации» [Акимова, 1968, с. 56].

Все исследованные трепанированные черепа с территории Пермского Края происходят из курганных могильников периода IV-VII вв. н.э. С исчезновением обряда хоронить покойных под курганной насыпью исчезает и традиция вмешательства в целостность костей свода черепа.

Список литературы

1. Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 118 с.
2. Брюхова Н.Г. Следы ритуальных действий на черепах из погребений Чазевского могильника // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимо-

- действия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения): материалы Всерос. науч. конф. Ижевск: Изд-во «УдГУ», 2010. С. 242-245.
3. Медникова М.Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. М: Алтай, 2004. 208 с.
  4. Мингалев В.В. Особенности внутрикурганных конструкций могильника Чазево I // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2011. № 7. С. 52-68.
  5. Шмуратко Д.В. Этнокультурная ситуация в Прикамье в эпоху Великого переселения народов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 126. С. 100-107.
  6. Шмуратко Д.В. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов: (Статистический анализ погребальных комплексов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2012. С. 32.
  7. Шмуратко Д.В., Брюхова Н.Г. Митинская курганная группа: результаты новых исследований (раскопки 2014 года) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2015. № 10. С. 46-63.
  8. Чикишева Т.А., Зубова А.В., Кривошапкин А.Л., Курбатов В.П., Волков П.В., Титов А.Т. Комплексное исследование трепанаций у ранних кочевников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1. С. 130-141.